Иван Премудрый

В некотором царстве, в некотором государстве у царя был сын Иван-царевич. И как только он стал в совершенных летах, стал он у папеньки проситься невесту искать. Поехал. Приезжает к королю; у него три дочери, у этого короля. А уж королю так хотелось, чтоб Иван-царевич взял которую-нибудь дочь; с такой радостью его встречает. Все так рады, кушать сели. Иван-царевич и говорит своему дядьке: «Дядька, поди узнай, где у королевен спальни!» Дядька сходил, узнал. Кончился ужин. Поехал Иван-царевич с дядькой. «Как бы, говорит, подслушать, что обо мне будут говорить!» Подвел дядька Ивана-царевича к их спальне.

Сошлись в эту спальню все три королевны и радуются. «Ах, как бы меня Иван-царевич взял, я бы из одной рученечки напряла бы сорочку и порты». А другая говорит: «Ах, как бы меня Иван-царевич взял, я бы из одной мочечки напряла бы сорочку и порты». Третья и говорит: «Нашли же вы, чем хвалиться! Как бы меня взял Иван-царевич, я бы ему шесть сыновей родила, а седьмого Ивана Премудрого, по локти ручки в золоте, по колен ноги в серебре, и на каждом волоске по жемчужинке». Иван-царевич и говорит: «Дядька, слышишь, что они говорят?.. Теперь, говорит, я сватать буду».

Поутру приходит к королю. «Мне, говорит, большая ваша дочь очень нравится». Царь так рад; у царей не брагу варить, не вино курить, все готово; сыграли свадьбу. Попировали с неделю. Он и говорит: «Что ж, душечка, ты обещала из одной рученечки напрясть сорочку и порты?» — «Разве это можно?!. Мало ли что в девицах говорится!» Он взял ее в монастырь отправил; сватает другую. Король отдал. Опять попировали, он и говорит: «Ну что ж, душечка, ты обещала из одной мочечки напрясть сорочку и порты?» — «Можно ли это сделать? Мало ли что в девицах говорится!» Ну, он и эту в монастырь отправил. Меньшую сватает, последнюю дочь берет. Поехал с этой к своим родителям.

Приехали домой, живут прекрасно, так хорошо. А те сестры ее ненавидят: «Мы, говорят, по неделе только жили, а она год. Все силы употребим, да ее истребим». Так она год прожила, стала беременна. Те злятся, а во дворец не смеют взойти при царе. Государь уехал, они приезжают к ней… «Ах, милая сестрица! Теперь вы в тягости, надо вам хорошую бабушку… Здесь

все скверные; такая у нас есть знакомая славная, и боли не будешь чувствовать». Поверила она сестрам. «Милые сестрицы! Сделайте милость, пришлите». А у них волшебница знакомая-то. Вот эта волшебница к ней приходит, дала ей порошка выпить, та без памяти и стала, родила двух сыновьев по локти ручки в золоте, по колени ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке. Волшебница взяла этих детей к себе, а вместо них понесла к царю котенка да кутенка. «Что это ты принесла? Хоть бы простого ребенка!» — «Что ж, батюшка, что родится, то и годится». Государыня узнала, плакала, плакала. Государь долго сердился, долго его уговаривали. Наконец, простил ее, страшно он любил ее, и все в государстве ее любили…

Через несколько времени она опять забеременела. Сестры еще больше ее ненавидят, что он опять с ней живет. Как государя нет, они опять приезжают, так-так с ней ласковы… «Ведь ты тогда хорошо родила?» — «Хорошо, говорит, никакой боли не чувствовала». — «Ну, мы тебе опять эту бабушку доставим!» — «Я уж, говорит, не знаю…» — «Нет, нет, непременно; менять не годится»… Опять эта волшебница приехала, дала ей порошка, она и заснула… Во сне родила двух сыновей по локти руки в золоте, по колен ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке; спрятала их к себе, положила лягушоночка да мышоночка… Опомнилась она. «Ну что, говорит, кто у меня родился?»… — «Лягушоночек да мышоночек!»… — «Ах, бабушка, милая! Не родил ли кто-нибудь в нашем царстве, вместо моих детей бы взять?» — «Как можно, как можно?»

Вымыла, понесла к царю. «Что ты еще принесла?» — «Лягушоночка да мышоночка». — «Старая корзина! Зачем тебя несет?» — «Показать, батюшка, показать!» Так эта царица плакала, плакала… Приезжают генеральши, сенаторши. «Вы бы, говорят, бабку переменили»… — «Да мне, говорит, сестрицы рекомендуют»… — «Да они вас ненавидят». Государя уговаривали, уговаривали… Государь опять простил ее; стала она выходить.

Через несколько времени она опять забеременела. «Хоть бы Господи дал простого ребенка!» Опять ей эти сестры ту бабку навялили, она положила вместо детей головню да зверка какого-то. «Бабушка! Что у меня родилось?» — «Головня, матушка, головня!» — «Ах, господи!..» — «Ну что ж?.. Что родится, то и годится». Долго царь гневался, в последний раз простил… Вот она опять забеременела, родила Ивана Премудрого. Ее вместе с этим Иваном Премудрым засмолили, пустили по воде…

Растет Иван Премудрый в бочке не по дням, а по часам; уж такой премудрый, такой умный. Потянулся, ударил в дно, дно вылетело. Вышли на остров. Ходят они по острову, ветер поднялся такой холодный… «Как, говорит, я озябла!» Сейчас он огня достал, зажег… «Вы, говорит, погрейтесь, а я пойду в лесок, птички-зверя поймать». Шел озером, шел лугом, шел дальше, и видит — келейка. Взошел: нет никого, сейчас стал искать пропитания; посмотрел в печке, нет ничего… «Постой, я под печку спрячусь!» Залез, сидит под печкой… Входит старик седой, сел на лавку, взял дубинку, ударил о земь. «Дубинка, развернись!» Сейчас, откуда ни возьмись, кушанья-напитки. «Вот как бы мне эту дубинку!» Старик наелся, напился, поставил дубинку в уголок, лег спать, захрапел, спит крепким сном. А Иван Премудрый вышел, взял дубинку, бежит домой… Бежит назад тем же озером, лугом. Идет мужичок… «Что ты несешь?» — «Топор!.. Захочешь дом построить, сейчас будет»… А Иван-Премудрый дубинку ему показал… «Давай меняться!» Поменялись. Старик идет шибко с этой дубинкой. Иван-царевич и говорит: «Топор! Нельзя ли у старика у этого отнять мою дубинку». — «Как, говорит, нельзя? Можно!» Полетел топор, отнял у старика дубинку.

Приходит Иван-Премудрый к матери с топором и с дубинкой, рассказывает матери. Мать так рада, молится Богу. Ложится Иван Премудрый спать, приказывает топору и дубинке, чтобы выстроили дворец точь-в-точь такой, как у папеньки. Утром просыпается во дворце; прислуга готова, и все так, как у папеньки во дворце. Они только дивятся. На другую ночь ложится Иван Премудрый спать, приказывает, чтоб к утру на острове была пристань готова… Встает поутру; все готово.

На другой день плывет мимо острова корабль, и купцы дивятся: «Птица тут не пролетала, теперь дворец стоит». Иван Премудрый выходит на пристань. «Господа купцы, пожалуйте!» А купцы дивятся, идут с ним к нему во дворец; он их угостил спрашивает: «Куда вы едете и с какими товарами?» — «Идем мы в Россию с такими-то товарами, да вот, говорят, приказал нам государь достать соболев, куниц и лисиц». — «Да у меня, говорит, есть!» Легли спать. Иван Премудрый и приказывает топору и дубинке, чтобы самые лучшие были соболи, куницы и лисицы. Утром встал Иван Премудрый, чай стали пить. После чаю он и говорит. «Ну, господа купцы! Пойдемте в кабинет смотреть зверей». Пошли, только дивятся эти купцы. «Покупывали, говорят, и мы много, а таких не видали. Как, говорят, ваше имя и отечество?» — «Иван Иваныч, говорит, я здесь с маменькой живу». И спрашивают у него: «Как же, говорят, цена?» — «Я, говорит, вам

так дарю, только довезите меня до вашего государства».

Пробыли они у него еще сутки, поехали, и он с ними. Корабль, как птица, летит; бывало, две недели ехал, а теперь двои сутки… Приехали; он распростился, ушел от них…

Сам оборотился мушкой, сел на правое плечо к этим купцам-то, сидит. Приходят они к государю. «Не прикажите, говорят, нас казнить, прикажите слово говорить». — «Говори, говори!» — «На море, на острове матушка с сыном живет, с Иваном Иванычем. И у них вот эдакой же дворец, как у вас. Мы, говорит, трои суток там выжили; такие они благородные, ловкие»… — «Господа купцы! Заворачивайте корабли, поедемте!» Тетки тотчас выскочили. «Ах, что это вы слушаете мужика простого, деревенского… Поедемте лучше с нами за море, у нас там коты заморские!» — «Хорошо, говорит, завтра!» Купцы подарили государю этих зверей, ушли домой… Иван Премудрый и говорит: «Топор-дубинка! Чтоб был я дома!» Сейчас перенесли его домой; ложится он спать. «Топор и дубинка! Чтоб завтра у меня были те коты заморские!»

На другой день опять идет корабль мимо острова. «Господа купцы! Пожалуйте ко мне!» Те боятся: не было ничего, а тут все явилось;… Зазвал он их, угостил; они все дивятся на дворец, на котов заморских: шерсть так на них и стелется… Также и эти купцы трои суток прожили, дал он им соболей, лисиц, куниц еще лучше прежних и поехал с ними. Поплыли; тишина такая на море, а корабль, как птица, летит. Купцы и думают: «Это, говорят, ангел, а не человек; святой, да и только»… Приезжает с ними Иван Премудрый, простился с ними, оборотился мушкой, сел на голову купцу. Пошли купцы к государю, приносят соболей, лисиц, куниц еще лучше того… Дивится царь. Купцы и говорят: «На острове на море стоит дворец такой же, как у вас, и коты у них есть заморские. Стоит посмотреть!» — «Господа купцы, заворачивайте корабли, поедемте на остров». Опять эти тетки говорят: «Ах, что это вы всякого бородача слушаете! Поедемте лучше с нами: в саду у тетушки есть птицы райские, поют песни царские». — «Покорно благодарю! Тогда, говорит, ездил смотрел котов заморских, да ничего не видал!&raquo… — «Ну, те могли убежать, а птички не убегут никуда! Поедем лучше с нами»… — «Ну, хорошо, говорит»… Пошли купцы домой. Иван Премудрый и говорит: «Топор и дубинка! Чтоб быть мне у маменьки». Перенесли его на остров, ложится он спать. «Топор и дубинка! Чтоб были у меня завтра птицы райские, пели песни царские». Просыпается утром, слышит: прелесть музыка. Слушали, слушали…

Потом опять плывет мимо острова третий корабль. Опять Иван-царевич зазвал купцов, дал им соболей, куниц, лисиц. Прожили они у него трои сутки, поехали; и он с ними. Корабль, как птица, летит… Приехали; он простился, пошел от них, потом обратился мухой, сел к купцу на голову. Приходят купцы к государю, подают лисиц, куниц, соболей. Царь и говорит: «Вот так соболи! Прелесть!» — «Это ли, говорят, мы видали! На море, на острове стоит дворец точно такой, как ваш; живет в нем барыня с сыном, Иван Иванычем. У них и коты заморские, и птицы райские поют песни царские»… — «Ах, купцы, заворачивайте корабли, я с вами поеду!» Опять эти тетки: «Ах, как вы малодушны! Поедемте лучше с нами: у нас есть шесть сыновей, что ясных соколов, по локоть ручки в золоте, по колено ноги в серебре, на каждом волоске по жемчужинке, они уж не могут пропасть, их только в полдни выпускают на два часа». Царь и задумался про своих сыновей. «Хорошо, говорит, поедем». Пошли купцы домой. А Иван Премудрый как ударит жалом одну в глаз, другую в голову… «Ах, говорит, мне в голову ударило!»… Кровь побежала, завязала платком. А Иван Премудрый обратился мухой, полетел домой.

«Ну, маменька! Напеките мне шесть лепешек к завтрему». Вот она напекла ему шесть лепешек. Он и говорит: «Топор и дубинка! Чтоб быть мне там в самый полдень». Принесли его туда; эта волшебница выпустила всех шестерых. Уж они бегали, бегали… По локти ручки в золоте, по колена ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке. Бросил он им одну лепешечку, потом другую, третью, все… Они схватили, стали есть.

«Ах, говорят, какие вкусные, прекрасные, точно маменькины ручки пекли». Увидали братца… «Спрячься, говорят, поскорее!» А эта волшебница и говорит: «А, Иван Премудрый! И ты ко мне захотел». Он и говорит: «Топор и дубинка! Порубите ее на мелкие части, побросайте все в воду!» Изрубили ее, побросали в воду… Так все братья рады, что избавились от этой волшебницы. «Топор и дубинка! Чтоб быть нам около своего дому». Тотчас все они очутились около своего дому. Вышла мать, всех их узнала. Они все упали на колени: «Маменька, маменька!» — «Благодарите, говорит, меньшого»… А государь туда к ним и не ездил: одна тетка кривая, у другой голова распухла, как пивной котел.

Опять едут купцы-корабельщики, так удивляются. Выходит Иван Премудрый, зазывает их. «Пожалуйте!» Братья людей-то не видали, удивляются. А купцы еще больше на них смотрят. Пробыли три дня, приезжают к государю. «Ах, батюшка, ваше царское величество! На море,

на острове дворец точно такой же, как ваш, и живут в нем шесть братьев, по локоть ручки в золоте, по колен ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке, а седьмой брат — Иван Премудрый. Есть там и коты заморские, и птицы райские поют песни царские». — «Ах, братцы, заворачивайте корабли, поедемте!» А теток уж тут нет, лежат в постели… Поехали.

Через неделю приезжают к этому острову. Царь сам удивляется… Выходят к нему навстречу Иван Премудрый с братьями, с маменькой… Царь пал на колени, с радости заплакал… И послал царь тотчас указ, чтоб и духу их (теток-то) не было. Приехал государь обратно. Вышли его встречать весь город, сенаторы, и ее под ручки повели… Иван Премудрый и говорит: «Топор и дубинка! Чтоб все здесь было: и птицы райские, и коты заморские!» Сколько было радости, и народу удивленье на эти редкости и на царских детей!

(Село Котовка Ардатовского уезда Нижегородской губернии)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.